

КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1925—1927 гг. и АНГЛИЙСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ *

Р. Вяткин

Время мощного подъёма революционного движения в Китае после первой мировой войны и в период антиимпериалистической, антифеодальной революции 1925—1927 гг. является бурным и сложным этапом в жизни китайского народа, в истории его внутренних и внешних отношений.

Китай 20-х годов нашего столетия представлял собою страну, разделённую на районы, в которых господствовали враждовавшие между собой отдельные милитаристы или блоки их, за спиной которых, в свою очередь, стояли империалистические силы. Милитаризм и империализм истощали страну, сохраняя и культивируя отсталый, полуфеодальный характер её экономики. Формально центром Китая считался Пекин с его преходящими правительствами клик Аньфу и Чжили, являвшимися ставленниками японских и англо-американских империалистов, а фактически национальным центром всё больше становился Кантон с крепнущим южным правительством Сунь Ят-сена. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России, расколовшей мир на два лагеря и положившей начало общему кризису капиталистической системы, оказала огромное влияние на народы колониальных и зависимых стран и, в частности, на народ Китая. Исторические обращения советского правительства к китайскому народу, провозгласившие отмену всех неравноправных договоров, заключённых с Китаем царским правительством, обращения, проникнутые уважением и чувством дружбы Советской страны к народам Китая, вызвали исключительно сильный отклик в массах китайского народа и помогли консолидации сил китайской демократии. Именно в 20-х годах в Китае начинается период революционного подъёма. В 1921 г. на исторической арене появляется китайская компартия. Движение 4 мая 1919 г., Гонконгская стачка моряков 1922 г. и забастовка железнодорожников на Пекин-Ханькоуской дороге в 1922 г. были первыми после мировой войны боями китайской демократии в лице её передовой силы — рабочего класса — против империализма и милитаризма, против пережитков феодализма, предвестниками дальнейшего подъёма революционной борьбы. В стране уже созрели внутренние силы, готовые к борьбе против феодалов и милитаристов, против империалистов, силы, поднимающие знамя демократической революции миллионов масс трудящихся в полуколониальном Китае. Говоря в 1927 г. о перспективах революции в Китае, товарищ Сталин в тезисах для пропагандистов по вопросам китайской революции указывал:

«Основные факты, определяющие характер китайской революции:

- а) полуколониальное положение Китая и финансово-экономическое господство империализма;
- б) гнёт феодальных пережитков, усугубляемый гнётом милитаризма и бюрократии;
- в) растущая революционная борьба миллионов масс рабочих и

* Статья публикуется в томе III «Учёных записок Тихоокеанского института (Китайский сборник)», который выходит в свет в ближайшее время. В настоящем виде статья даётся с некоторыми добавлениями.

крестьян против феодально-чиновничьего гнёта, против милитаризма, против империализма;

г) политическая слабость национальной буржуазии, её зависимость от империализма, её боязнь размаха революционного движения;

д) растущая революционная активность пролетариата, рост его авторитета среди миллионных масс трудящихся;

е) существование пролетарской диктатуры по соседству с Китаем»¹.

В условиях революционного подъёма в стране на юге формируется революционный, прогрессивный лагерь, представленный компартией и гоминданом во главе с Сунь Ят-сеном, с ясной программой борьбы за освобождение Китая. Характеризуя гоминдановское кантонское правительство этого периода, как правительство, представлявшее блок четырёх классов, И. В. Сталин указывал: «В период первого этапа революции, когда революция была революцией общенационального объединения фронта (кантонский период), союзниками пролетариата были крестьянство, городская беднота, мелкобуржуазная интеллигенция, национальная буржуазия. Одна из особенностей китайского революционного движения состоит в том, что представители этих классов вели совместную работу вместе с коммунистами в составе одной буржуазно-революционной организации, называемой Гоминданом»². При этом товарищ Сталин постоянно подчёркивал наличие глубоких противоречий между китайской революцией и китайской национальной буржуазией, ограниченный и временный характер её участия в революционном антиимпериалистическом движении народных масс. «Это не значит, — говорит товарищ Сталин, — что не было противоречий между революцией и национальной буржуазией. Это значит лишь то, что национальная буржуазия, поддерживая революцию, старалась использовать её в своих целях с тем, чтобы, направляя её по линии, главным образом, территориальных завоеваний, ограничить её размах. Борьба между правыми и левыми в Гоминдане в этот период была отражением этих противоречий»³. 10 ноября 1924 г. великий китайский демократ Сунь Ят-сен перед отъездом в Пекин сказал:

«Цель национальной революции состоит в том, чтобы создать независимое, свободное государство и защитить этим интересы страны и народных масс... а целью северного похода является не только уничтожение милитаризма, но и особенно свержение империализма, на который опирается в своём существовании милитаризм...»⁴.

Для британского империализма, заклятого врага всех национальных и освободительных движений, растущая сила гоминдановского правительства представляла особую угрозу, так как кантонский революционный центр находился в непосредственной близости к цитадели английского господства — Гонконгу — и в сфере влияния английского капитала в Южном Китае и Шанхайском районе.

Между тем, озабоченная стремлением восстановить свои довоенные экономические позиции и отвоевать потерянные рынки, Англия Ллойд Джорджа, Керзона, Болдуина и «социалиста» Макдональда в 1920—1924 гг. усердно стремилась восстановить и расширить свои связи с Китаем, укрепить свои несколько пошатнувшиеся под ударом американских и японских конкурентов экономические позиции. Торговля с Китаем одной Англии (без других частей Британской империи) в суммарном выражении составляла в 1920 г. 177 млн. таэлей, а в 1922 г. — 183 млн., хотя в процентном отношении доля Англии в общей торговле Китая постепенно снижалась, составляя 12,6% в 1920 г. и 10,9% в 1922 году.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 221.

² Там же, стр. 340.

³ Там же, стр. 223.

⁴ Сунь Ят-сен. Избранные произведения (Цзунли ицзяоэяо цюанцзи), стр. 760. Чунцин. 1943.

Поэтому, продолжая свою традиционную разбойничью колониальную политику в применении к Китаю, получившую со времени «опиумных войн» название «политики пушек», английский империализм проявил особую ненависть к национальному гоминдановскому правительству Сунь Ят-сена, начертавшему на своих знамёнах лозунги борьбы против империалистического господства, за независимость Китая.

Империалистический лагерь во главе с Англией при активном участии Америки последовательно принимал всевозможные меры, от военных демонстраций и угроз до подкупов и помощи реакционным силам, чтобы организовать разгром революции и покончить с разрастающимся национальным движением.

Годы 1923—1925 — период роста революционных сил и развёртывания массового движения — дали нам несколько наглядных примеров этого курса. 5 сентября 1923 г. министр иностранных дел кантонского правительства У Чжао-шу обратился с нотой и хорошо аргументированным меморандумом к державам, требуя от имени кантонского правительства передачи ему доли таможенных доходов в размере 13,7%, до той поры поступавших в казну пекинского правительства. У Чжао-шу резонно заявлял:

«Они (южане) терпят двойной ущерб: теряют суммы, которые могли быть использованы для конструктивных целей и которые, будучи переданы северным милитаристам, фактически используются для организации войны против них же, и теряют на том, что на каждый доллар, использованный против них, они должны найти ещё доллар и более для самозащиты. Такое положение не только невозможно, но и нетерпимо...»⁵.

Оскорбительно промолчав три месяца, дипломатический корпус через генерального консула Англии в Кантоне 12 декабря предупредил кантонское правительство в связи с его попытками вмешаться в дела таможни:

«В случае, если любая такая попытка будет сделана, дипкорпус предпримет такие насильственные меры, какие будет считать пригодными в данной ситуации»⁶.

Чтобы подкрепить угрожающие слова этой ответной ноты, к 18 декабря 1923 г. на рейд Кантона были стянуты 15 военных судов держав, в том числе пять английских, с командующим британским дальневосточным флотом Лезизоном на борту. Американский флот, представленный здесь крейсером и миноносцами, держался вместе с английскими кораблями самой вызывающей линии, проведя наглую морскую демонстрацию перед Кантоном.

Выбалывая желания своих господ, газета «Пекин энд Тянь-Цзин таймс» писала о Сунь Ят-сене: «Будем надеяться, что Кантон в скором времени будет избавлен от присутствия опасного смутьяна...»⁷.

В ответ на провокационные угрозы держав кантонские рабочие устроили 17 и 18 декабря крупные митинги протеста, настаивая на захвате таможен. Чувствуя поддержку масс, Сунь Ят-сен 19 декабря опубликовал декларацию, в которой доказывал законность требований южного правительства, и одновременно отправил телеграммы протеста в Англию лидеру лейбористов Макдональду, а также в США и Францию.

В конце концов империалисты, поставленные перед фактом массовых протестов кантонского населения, не посмели применить силу и были вынуждены оставить в руках национального правительства часть доходов южных таможен.

Дальнейший рост сил революционного Кантона в 1924 г. вызвал всоружённое противодействие всей южной реакции, представленной ку-

⁵ «China Year Book» за 1924 г., стр. 850. Документы.

⁶ Там же, стр. 854. Документы.

⁷ «Известия» от 11 декабря 1923 года.

печескими, компрадорскими и помещичьими кругами Гуандуна, Гуанси и Юньнани. Силой, на которую поставили ставку реакционеры, была организация купеческих охранных войск, получившая ироническое название «бумажные тигры». Во главе её стоял главный компрадор и агент Гонконг-Шанхайского банка, председатель Всекантонского союза 72 крупнейших купеческих гильдий Чэнь Лим-пак (по северокитайски — Чэнь Лянь-бо). С ними был тесно связан милитарист Чэнь Цзюнь-мин, базировавшийся на порт Вэй-Чжоу на севере Гуандуна. Майский съезд «тигров» в 1924 г. при благосклонных комментариях английских газет явно угрожал войной кантонскому правительству. За спиной «тигров» и обеих Чэней (Чэнь Лим-пак и Чэнь Цзюнь-мин) стояли гонконгские власти и английские деньги. Когда 10 августа 1924 г. норвежский пароход «Ноа» привёз купцам оружие, Сунь Ят-сен приказал конфисковать его. В ответ «бумажные тигры» начали концентрацию вооружённых сил для немедленного восстания, а англичане открыто пришли им на помощь. 29 августа английский генеральный консул предъявил правительству Сунь Ят-сена ультиматум, в котором под предлогом защиты иностранцев и их собственности выражал протест против возможного обстрела пригорода Сягуань, где были сосредоточены силы «бумажных тигров», и угрожал действиями английского флота. Это было неприкрытое вмешательство Англии в борьбу на стороне компрадоров и реакционных купцов.

В заявлении Сунь Ят-сена по поводу ультиматума говорилось:

«С того момента, как Чэнь Лим-пак в соучастии с Гонконг-Шанхайским банком начал мятеж против моего правительства, я имел основание подозревать, что это движение поддерживается британским империализмом. Я не хотел верить этому, имея в виду заявление лейбористской партии о сочувствии к эксплуатируемым народам. Я был полон надежд на то, что лейбористское правительство вместо политики пушек, которая до сих пор несла Китаю лишь бедствия и угнетение, принесёт эру международной честности... Сейчас мы знаем правду».

Приводя выдержки из ультиматума, Сунь продолжает:

«Моё правительство отвергает предположение о том, что оно может быть обвинено в варварском обстреле беззащитного города, ибо единственной частью Кантона, против которой правительство, может быть, вынуждено будет предпринять действия, является пригород Сягуань — вооружённая крепость мятежников Чэнь Лим-пака. Но это возмутительное, постыдное предположение, исходящее от авторов Сингапура, бойни в Амритсаре, зверств в Египте и Ирландии, является типичным для империалистического лицемерия...»⁸.

В официальной ноте протеста на имя Макдональда от 1 сентября 1924 г. Сунь Ят-сен писал:

«Ввиду того, что китайская контрреволюционная партия неоднократно получала дипломатическую и экономическую помощь от ряда смеявшихся друг друга правительств Англии, и ввиду того, что моё правительство фактически является на сегодня единственным центром сопротивления контрреволюции, я вынужден заключить, что главная цель этого прискорбного ультиматума состоит в свержении и ликвидации моего правительства... Я самым решительным образом заявляю протест против этого акта империалистического вмешательства во внутренние дела Китая»⁹.

Однако Сунь Ят-сен не был последователен до конца; он колебался, проявлял нерешительность, свойственную мелкобуржуазной революционной демократии, уступал нажиму правых гоминдановцев, не верил ещё в способность народных масс к сопротивлению и поэтому стремился и на

⁸ «Daily Herald» от 4 сентября 1924 года.

⁹ «История национально-освободительного движения хуаган в Китае» (чжунго цзефанюньдунши). Т. II, стр. 315. Гонконг. 1946

этот раз решить дело верхушечным компромиссом с купцами. Когда же он отдал им часть оружия, то «бумажные тигры», расценив этот шаг как проявление слабости правительства Сунь Ят-сена и явно инспирированные империалистами, подняли вооружённый мятеж (10—15 октября). Лишь путём мобилизации всех народных сил кантонскому правительству удалось разгромить реакцию. Поражение Чэнь Лим-пака было поражением и его покровителей — английских империалистов.

Рост революционных сил в стране ставил в порядок дня вопрос об объединении Китая. Хотя северные милитаристы понимали это объединение как свою военную диктатуру и сокрушение Юга, но, уступая многочисленным требованиям, они вынуждены были пригласить Сунь Ят-сена для переговоров, чтобы, прикрываясь его именем, попытаться решить вопрос очередным закулисным сговором. В конце 1924 г. Сунь Ят-сен предпринял поездку на Север для участия в переговорах о создании общенациональной власти. Народные массы восторженно встречали своего вождя, а местные английские газеты поносили Сунь Ят-сена и требовали запретить ему высадку в Шанхае. Судя по сообщению газеты «Матэн», Сунь Ят-сен ответил на эту английскую кампанию брани следующими словами своей речи в декабре 1924 года:

«Я ненавижу англичан настолько же, насколько они меня ненавидят. Они не прощают мне того, что я разоблачаю их происки; я же не прощаю им того, что они глумятся над моей страной. На сегодняшний день Китай стоит перед лицом всеобщего бойкота всего английского не только в ограниченном районе Гонконга и Шанхая, но и по всей стране. Когда торговые, финансовые и таможенные интересы Англии начнут испытывать затруднения в Китае, может быть, Англия поймёт, насколько убийственна её политика»¹⁰.

Речь Сунь Ят-сена несколько предвосхитила события, но она ясно выразила чувства патриота, борца с империализмом.

12 марта 1925 г. Сунь Ят-сен умер, обратившись с последним словом приветия к Советскому Союзу, в лице которого он видел подлинного и единственного защитника угнетённых народов от империализма. Это была тяжёлая потеря для китайской демократии, а империалистический лагерь был откровенно рад его смерти. Даже позднейшие издания английских авторов (например, книга Кэнта «XX век на Дальнем Востоке» и др.) полны злобных строк по адресу Сунь Ят-сена.

Надежды империалистов на свёртывание массового движения со смертью Сунь Ят-сена были разбиты мощной волной китайской революции. Предвестниками назревающих боёв были уже отдельные события первой половины 1925 г.: забастовка 20 тыс. рабочих в Шанхае на фабрике Сяошаду в феврале 1925 г.; расстрел студенческой демонстрации в Фучжоу 8 апреля того же года при непосредственном участии американского консула и последовавший за этим антииностранный бойкот; расстрел японцами рабочих в Циндао 28 мая и много других. Однако только кровавым событиям лета 1925 г. суждено было превратить эти локальные, местные столкновения в могучую волну антиимпериалистического движения почти по всей стране. События 30 мая 1925 г., называемые китайцами «Уса Цаньань», — расстрел английской полицией безоружной толпы в Шанхае — стали своего рода ударом колокола, призывавшим к борьбе против позора колониального бесправия, и оказались началом революционных битв 1925—1927 годов. История событий вкратце такова: после убийства на одной из японских текстильных фабрик забастовщика-рабочего Гу Чжэн-хуна 30 мая была проведена студенческая демонстрация протеста. Когда демонстранты подошли к полицейскому участку Лао-Чжа, английская полиция под командованием полицейского инспектора Эверсона открыла огонь в упор: 13 убитых и 16 тяжело раненных

¹⁰ «Matin» от 10 января 1925 года.

оставались на месте. В ответ на команду шанхайского Трепова—Эверсона—«Стреляйте насмерть!» народ ответил лозунгом «Долой английский империализм!» («Дадао индиго-чжун!»). 1 июня рабочие Шанхая объявили всеобщую забастовку и бойкот английских и японских товаров, а когда империалисты, не понимая ещё силы движения, в тот же день устроили бойню у Синьшицзе, замер весь Шанхай: стали заводы, остановился транспорт, закрылись магазины, банки. Объединённый забастовочный комитет от имени полумиллиона стачечников выдвинул известные 17 пунктов требований, позднее включённых в ноту правительства и частично принятых державами много месяцев спустя (освобождение арестованных, отзыв войск, наказание преступников, компенсация потерь, гарантия свобод и т. д.).

Забастовки, демонстрации протеста, митинги, бойкот распространились по всей стране. Возмущение и гнев охватили широкие слои китайского общества. Армия Фын Юй-сяна объявила двухнедельный траур по убитым. В своём обращении к миру маршал Фын Юй-сян писал:

«Англия первая отравила Китай опиумом, захватила Гонконг, китайские таможи, нарушила китайский суверенитет и теперь убивает наш народ. Почему же миссия молчат, когда производятся убийства, которые поддерживаются высокомерной английской полицией?»¹¹

В эти дни делегация 48 учебных заведений Пекина посетила министра иностранных дел и потребовала разорвать отношения с Англией.

Сила и размах движения не могли не отразиться на политике обычно покорного империалистам пекинского правительства. За первые 10 дней июня пекинский кабинет вручил дипломатическому корпусу три ноты протеста против убийств в Шанхае, проявив на этот раз необычную для него энергию. В ноте от 4 июня министр иностранных дел Шэнь Жуй-линь заявил: «Против моих ожиданий новые тревожные сообщения продолжают поступать ко мне о том, что 1 июня полиция сэттльмента вновь применила оружие, убив троих и ранив 18 человек, до сих пор не освободив арестованных... большинство жертв получило пули в спину, в то время как ни один из полусменов не пострадал, что доказывает незаконность стрельбы...»¹²

Дипломатический корпус в своих ответах пытался свалить вину на демонстрантов, но, напуганный размерами движения и желая ослабить напряжение, почти тотчас же, т. е. 8 июня, отправил комиссию держав для расследования на месте, причём для соблюдения декорума «объективности» представитель Англии не был включён в состав комиссии. Параллельно была отправлена комиссия обойдённого державами пекинского правительства с участием адмирала Цай Тин-ганя, Цзэн Цзун-цзяня и других. Доклад комиссии держав, обелявший палачей, был отвергнут китайским народом, вышедшим 26 июня на демонстрации протеста в Шанхае, Пекине и других городах. По настоянию Англии в октябре была создана, с её участием, ещё одна комиссия и с таким же результатом. Нетрудно понять, что представители США, Японии и Франции (Грин, Сигемцу, Трипье), заседавшие в подобной комиссии, имели одну цель — оправдать себя и Англию. Хотя 30 мая в толпу стреляли английские полицейские, нельзя забывать при этом, что во главе совета международного сэттльмента, которому эта полиция подчинялась, стоял не англичанин, а американец Фессенден и США несли свою долю ответственности за шанхайские расстрелы. Тем временем милитаристы Севера предпринимают меры по разгрому стачки. В Шанхай с 2 тыс. отборных солдат прибывает Чжан Сюэ-лян с целью подавления рабочего и студенческого движения; в конце июля полиция разгоняет Всеобщий рабочий союз в Шанхае. Уда-

¹¹ «Известия» от 9 июля 1925 года. Между прочим, 10 июля английский поверенный в делах заявил протест против речей и статей Фына.

¹² «China Year Book» за 1926 г., стр. 931. Документы.

ры реакции по рабочему движению, с одной стороны, и отход от стачки колеблющихся, а также непролетарских элементов в лице торговцев, интеллигенции, служащих — с другой, при открытом нажиме империалистов и кровавом терроре Сунь Чуань-фана привели к окончанию всеобщей стачки осенью 1925 г. и некоторому спаду движения вплоть до нового подъёма рабочей борьбы в 1926 году. Одновременно правящие круги Англии пытаются успокоить встревоженное общественное мнение своей страны и всего мира. Но делается это в обычной для империалистов манере, представляющей смесь ханжества и цинизма. 9 июня, например, в палате общин Макнэйл сначала лицемерно заявлял о желании Англии «видеть Китай мирным и процветающим»¹³ и буквально тут же произносил прямые угрозы по адресу китайской демократии и обещал полную поддержку всем английским представителям в любых их действиях в Китае.

Когда 15 июня Лэнсбери спросил Сэмюэля, отвечавшего в палате общин на вопросы от имени правительства: «Есть ли доказательства того, что китайцы напали с оружием на полицейский участок, и разве не заявляют американские и британские миссионеры, что пострадавшие были расстреляны в спину и поэтому не могли быть убиты при попытке штурмовать участок?» — Сэмюэль нагло ответил: «Я не согласен с тем, что пострадавшие были убиты в спину. Правда, они не были вооружены, но это была большая кровавая толпа...» (Лэнсбери с места: «Откуда вы знаете? Вы там не были...»)¹⁴.

Пока лицемерили в английском парламенте депутаты, английская дипломатия прилагала большие усилия к тому, чтобы побудить Японию и Америку согласиться на совместные выступления и действия (свидетельства тому — беседы английского посла в Токио с Сидехара, заявлявшего вице-адмирала Синклера и др.). Хотя японские и американские военные корабли стояли в водах Китая рядом с английскими, хотя их ружья стреляли в Циндао и Фучжоу не хуже английских, а представители Японии и США оправдывали в комиссиях действия англичан, однако открыто поддерживать Англию в её действиях в данный момент не хотели ни правительство США, ни японское правительство Като — Сидехара. Япония хотела при этом, как указывал китайский журналист Ху Чжи-юй, «всю ответственность свалить на плечи Англии, чтобы этим ликвидировать недоброжелательные чувства, накопившиеся за ряд лет...»¹⁵. В данный момент, следовательно, японские империалисты, несмотря на полную солидарность с английскими убийцами, старались отвести от себя удар антиимпериалистического движения, разыграть роль «друзей» Китая и тем рассеять недобрую память о 21 требовании и Шаньдуне и укрепить своё положение в долине Янцзы за счёт «союзной» Англии. Характерно, что японская пресса усиленно замалчивала первопричину событий, т. е. убийство китайского рабочего на японской фабрике. Но, с другой стороны, общая контрреволюционная и империалистическая, антисоветская линия политики Англии и Японии накрепко связывала их, невзирая на отдельные противоречия. Американская же дипломатия, тоже готовая в любой момент прийти на помощь другим империалистам орудиями своих кораблей, чтобы подавить революционные массы, в то же время лицемерно пыталась отгородиться от политики расстрелов Англии и Японии, используя момент для ослабления своих соперников и усиленного проникновения американских капиталов в долину р. Янцзы.

Вот почему усилия Англии по организации совместных действий держав в Шанхае летом 1925 г. не увенчались успехом. Несмотря на террор внутренней реакции в Центральном Китае и окончание всеобщей забастовки к осени 1925 г., перед лицом всё более ширящегося антианглийского бойкота во всём Китае, перед лицом всеобщего подъёма масс китай-

¹³ «Times» от 10 июня 1925 года.

¹⁴ Там же, от 16 июня 1925 года. House of Commons.

¹⁵ Журнал «Восток», специальный выпуск, 1925 г., стр. 27 (Дунфанцзачжи тэкань).

ского народа на борьбу с империализмом, при отсутствии согласия других держав на немедленную интервенцию английским империалистам пришлось впервые отступить именно в Шанхае. В декабре 1925 г. они вынуждены были отменить все чрезвычайные военные мероприятия, эвакуировать морские десанты и освободить арестованных, а также уволить наиболее скомпрометированных лиц: полицейского комиссара Мак Уэна и инспектора Эверсона.

Так формально закончилось дело о «событиях 30 мая». Но в действительности влияние их на развитие антиимпериалистического движения было гораздо более широким и длительным.

Массовое движение после событий 30 мая указывало на рост сил национального лагеря Китая, и в первую очередь сил и организованности китайского рабочего класса. Оно пробудило к исторической деятельности миллионы трудящихся и нанесло первые удары по империализму в центре его господства — в Шанхае.

Шанхайские события 30 мая 1925 г. не были единичными. На протяжении одного только июня кровь китайских трудящихся пролилась также в Ханькоу, Чунцине, Кантоне и в других местах. 10 июня 1925 г. при разгрузке парохода «Учан» в Ханькоу был избит кули. Состоявшаяся в знак протеста демонстрация рабочих была расстреляна из пулемётов и винтовок английской морской пехотой и волонтёрами. Продолжением той же политики «огня и меча» явились расстрелы в Чунцине 2 июля, в Нанкине 31 июля.

Все эти факты вызвали огромное возмущение широких масс китайского населения, сделав Англию наряду с Японией и Америкой в эти годы в глазах рабочих и крестьян Китая самым ненавистным из империалистических государств. Достаточно указать, что 6 августа забастовали даже китайцы, работавшие при английском посольстве в Пекине, оставив джентльменов из посольства без слуг и поваров. Официальный протест посла к министерству иностранных дел Китая по этому поводу не возымел успеха. По стране всё более ширился антианглийский бойкот.

Если события в долине Янцзы и на Севере имели такие серьёзные последствия, то ещё более внушительный характер имели события в Южном Китае. После того как в первой половине июня 1925 г. революционная армия кантонского правительства разбила войска милитариста Тан Цзи-яо, Ян Си-мина и Чэнь Цзюн-мина и изгнала их из Гуандуна, Совет кантонских профсоюзов решил объявить забастовку солидарности с шанхайскими товарищами.

20 июня 1925 г. начали свою знаменитую стачку гонконгские рабочие. 23 июня по призыву профсоюзов на площади Дунсяочан в Кантоне состоялся 50-тысячный митинг трудящихся. Когда демонстранты шли мимо концессии Шамынь, английские и французские войска открыли жестокий огонь, поддержанный с реки английскими и французскими военными кораблями. Число жертв шамыньского побоища было чрезвычайно велико. Отчёт комиссии по расследованию указывает 52 убитых и 117 раненых¹⁶. А ведь демонстранты и не вступали на территорию концессии!

Невиданный взрыв негодования охватил революционный Юг: сотни тысяч рабочих покинули Гонконг, концессию в Шамыне, ушли с английских кораблей; развернулась в огромном масштабе гонконг-шамыньская стачка китайских рабочих — славная страница истории борьбы китайского пролетариата.

Несмотря на обычные попытки англичан свалить вину на демонстрантов, они сами себя разоблачили как провокаторов кантонской бойни. Убийцы готовились заранее, и об этом говорит нота генерального консула Англии в Кантоне, Джемисона, отправленная за день до расстрела

¹⁶ «Правда» от 17 декабря 1925 года.

на имя министра иностранных дел Кантона, У Чжао-шу. В ноте, в частности, говорилось:

«Нами предпринимаются необходимые меры предосторожности для защиты от насилий толпы, подобных случившимся в Чжэньцзяне, Цзюцзяне, Ханькоу, а если, к несчастью, они произойдут здесь, кровь тех, кто, возбуждая толпу, толкает её на совершение насильственных действий, упадёт на их собственные головы. Я пишу в столь серьёзном стиле, чтобы в будущем не было сказано, что ружья жестокого империализма беспричинно убили незащищённых молодых китайцев...»¹⁷.

Сказано недвусмысленно — будем стрелять. И стреляли.

Следует заметить, что всеобщая забастовка в Гонконге и Шамыне, полный бойкот английских товаров, перерыв торговых связей Англии с югом Китая больно ударили прежде всего по экономической деятельности самой Великобритании на юге Китая.

По заявлению председателя гонконгской фондовой биржи Биркетта, еженедельный убыток от стачки достигал 2,5 млн. фунтов стерлингов, а к декабрю 1925 г. общие потери Гонконга составили 62,5 млн. фунтов¹⁸.

Трудящиеся Советского Союза на многочисленных митингах и демонстрациях протеста заклеймили злодеяния империалистов в Китае и горячо приветствовали героическую борьбу китайских рабочих. На одном из митингов протеста в Москве рабочий типографии Богданов заявил:

«Российский рабочий класс зорко следит за борьбой и успехами китайского пролетариата. Мы знаем, что борьба трудящихся Китая — это борьба за торжество труда, за самостоятельность китайского народа, за правду. Мы в этой борьбе окажем нашим братьям широкую поддержку и помощь. За московским пролетариатом последует помощь всего трудового СССР»¹⁹.

Расстрелы в Китае вызвали резкое осуждение во всём мире: протесты трудящихся и прогрессивной интеллигенции раздавались во всех странах Запада и Востока; были возмущены английские рабочие; даже Ганди заявил в Бомбее: «...если бы мы имели голос в решении своих собственных дел, то мы не потерпели бы позорного и отвратительного зрелища — расстрела невинных китайских студентов индусскими солдатами в Кантоне»²⁰.

Имея перед собой сплочённый революционный пролетарский лагерь Кантона, английский империализм не посмел идти на прямую и открытую интервенцию на Юге. Но английские империалисты всё же прибегли к целой системе угроз и мер насильственного порядка, в сочетании с «обходными «мирными» маневрами, с целью подавления стачки и прекращения бойкота.

Меры эти сводились:

1) К продолжавшейся концентрации военных сил на Юге (в июне в Китае находились 5-я эскадра крейсеров, 4-я флотилия подводных лодок и 4 шлюпа Англии, усиленные военно-морскими силами США и Японии и присылкой подкреплений из метрополии).

2) К проведению экономической блокады Кантона путём разрыва связей его с мировыми рынками и прекращения подвоза продовольствия жителям. Англичане использовали здесь свою монополию в морском и каботажном судоходстве²¹.

¹⁷ «Times» от 25 июня 1925 года.

¹⁸ T' A n g. China in revolt, p. 144.

¹⁹ «Правда» от 13 июня 1925 года.

²⁰ «Известия» от 1 августа 1925 года.

²¹ Кантонское правительство активно противодействовало блокаде. Расширились связи с другими странами. В августе 1925 г. кантонские власти установили новые правила каботажного плавания в водах Кантона, по которым всем судам, кроме английских и японских, разрешался свободный доступ в порт при условии прямого следования в Кантон. без захода в Гонконг и при обязательном досмотре пикетчиками.

3) К поддержке всеми возможными средствами контрреволюции. Англичане оказывали помощь Чэнь Цзюнь-мину, Дэн Бэнь-иню, бандитам-туфеем в уезде Чжун-Шань. Один из виднейших профсоюзных деятелей Китая, Дэн Чжун-ся, сообщал, что английские банкиры предоставили в этот момент 20 млн. дол. генералу У Пэй-фу для наступления на Гуандун²². Как раз в те дни, когда министр по делам колоний Эмери перевёл в «помощь» гонконгским законам 3 млн. фунтов в покрытие убытков от стачки, Чэнь Цзюнь-мин захватил Сватоу. Довольно откровенно писал об этом факте орган лейбористов «Дейли геральд»: «И тогда когда прибыл из Шанхая наёмный солдат по имени Чэнь Цзюнь-мин. Он провёл несколько дней в Гонконге и, должным образом снабжённый оружием, деньгами и людьми, промаршировал к Сватоу и взял его. Открыто признаётся, что это начальная стадия атак на Кантон. Перспективы такой кампании представляются ещё более широкими, с тех пор как Министерство колоний предоставило трёхмиллионный заём Гонконгу...»²³.

Незадолго до этого, 19 августа 1925 г., наёмные бандиты расправились с активным деятелем революции — министром финансов кантонского правительства Ляо Чжун-каем, причём многие китайские газеты видели в этом убийстве английскую наёмную руку. Через день после убийства Ляо Чжун-каея, в дни боёв на Юге, Чемберлен прервал свой отпуск «для изучения положения в Китае». Однако ни заём, ни убийства не помогли. 3 ноября 1925 г. Чэнь Цзюнь-мин со своей 20-тысячной армией был разбит под Сватоу революционными войсками. Ещё одна английская ставка была бита.

4) К повторным стремлениям Англии склотить блок империалистических держав, получить поддержку США, Японии и Франции в проведении «жёсткой» политики. США и Япония всё время помогали Англии в подавлении революции; значительной активностью в этот момент наряду с Англией отличалась на юге Китая также и Франция, опасавшаяся за близлежащие колонии и сферы влияния (Индокитай, Гуаньчжоувань). Её участие в шаньинском расстреле — яркое доказательство этому.

5) Наконец, меры, предпринимаемые английским империализмом против революционного лагеря в Кантоне, заключались также в попытках сговора с буржуазной верхушкой кантонского правительства, с правым крылом гоминдана, в надежде на раскол и достижение компромисса. В частности, переговоры о прекращении стачки и бойкота были начаты английской стороной 20 января 1926 г., однако высокий боевой дух стачечников, стойкость и мужество рабочего класса Гонконга и Кантона препятствовали этим планам.

Таким образом, мероприятия английских империалистов на юге Китая, как и в Шанхае, не привели к разгрому лагеря национальной революции. Ни флот, ни военные силы, ни экономическая блокада, ни помощь реакционным силам, ни сотрудничество держав и поиски компромисса с правыми гоминдановцами не смогли изменить положения. В 1925 и 1926 гг. в центре и на юге Китая английскому империализму были нанесены первые серьёзные удары экономического и политического характера, а лагерь революции перешёл к развёртыванию своих сил в борьбе против империализма и внутренней феодально-помещичьей реакции.

Некоторые действия и частичные успехи реакции в конце 1925 г. и первой половине 1926 г., а именно: разгром Го Сун-лина в Маньчжурии,

²² Дэн Чжун-ся и. Англо-китайские переговоры в период Гонконг-Кантонской стачки, стр. 11 (шэнган Багунчжунжти чжунин таньпань). Кантон. 1926.

²³ «Daily Herald» от 2 октября 1925 года.

отход армий Фын Юй-сяна от Пекина, расстрел гвардией Дуань Ци-жуня народной демонстрации в Пекине 18 марта 1926 г. (было убито 47 чел., ранено 132), попытка реакционного переворота Чан Кай-ши в Кантоне 20 марта 1926 г. — все эти события, за кулисами которых стояли английские, американские и японские империалисты, не могли остановить развития революции.

9 июля 1926 г. начался северный поход кантонских армий. На знамёнах армий народ читал понятные призывы: «Долой империализм!», «Объединим страну, покончим с милитаристами!». Для многих вождей гоминдана это были лишь красивые обещания, но для сотен тысяч крестьян и рабочих они звучали призывным набатом. Вот почему в своём походе на Севере, имея поддержку масс, кантонская революционная армия начала быстро громить сопротивляющиеся ей милитаристские войска. 20 июля была занята столица Хунани — г. Чанша, 7 сентября 1926 г. пали города Ханькоу и Ханьян, что означало выход революционных армий в долину Янцзы, в самый центр Китая. Бурное развитие крестьянского движения и организация крестьянских союзов, забастовочное движение в городах и создание там советов профессиональных союзов сопровождали победы южных армий по мере продвижения их на север.

«Это была революция объединённого общенационального фронта»²⁴, — указывает товарищ Сталин. Остриём своим она была направлена против империалистов и их агентов в Китае и против феодального гнёта. Вот почему китайская революция не могла не вызвать со стороны империалистических государств самого ожесточённого сопротивления и попыток остановить поступательный ход революции и революционных армий. Первыми в этой контрреволюционной деятельности данного периода были английские империалисты, активно поддерживавшие У Пэй-фу, обладавшие наиболее мощными военными силами в районах наступления южан и ставшие благодаря своей агрессивной политике первым объектом ударов со стороны народных масс Китая, тем более, что концессии, базы, «сферы влияния» Англии были как раз в зоне революционного натиска. Рядом с ними стояли хищные американские империалисты, всё ещё фарисейски скрывавшие свои планы за мирными декларациями, но фактически своими вооружёнными силами уже вступившие в борьбу.

Перед лицом революционных побед английский империализм всеми силами помогал северной реакции, одновременно стремясь угрозами, нажимом, расстрелами остановить «красных», не допустить их в сферу английских интересов в долине Янцзы. Части У Пэй-фу получают английское вооружение, английские эмиссары подталкивают колеблющегося Сунь Чуань-фана к скорейшему выступлению против южных армий, в результате чего на пути южных войск к Шанхаю вырастает стотысячная армия Сунь Чуань-фана.

Напуганные революцией и ослеплённые ненавистью к китайскому народу, английские власти переходят к прямым насильственным действиям. 4 сентября 1926 г. английские военные корабли вошли в бухту Кантона и высадили морскую пехоту, занявшую верфи у Шамыня и арестовавшую пикетчиков. Лишь единодушный протест народа заставил англичан быстро убраться. Почти в то же время, 5 сентября, английские военные корабли на р. Янцзы осуществили невиданное по дикости массовое убийство жителей и солдат г. Ваньсянь. Много раз и прежде английские корабли бесцеременно топили китайские лодки на реке (13 июня 1926 г. утонуло 10 чел., 8 июля — 22 чел., 2 августа — 30 чел.), но когда милитарист Ян Сэнь задержал, впредь до возмещения убытков, два английских торговых парохода в отместку за гибель 60 своих солдат, канонерские лодки британского флота «Кокчафер» и «Виджеон» и бронированный пароход «Цзяхэ» с морской пехотой на борту попытались осво-

²⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 9, стр. 223.

бодить пароходы. Получив отпор, английские империалисты в бессильной ярости обстреляли беззащитный, густо населённый, мирный город. Запылали целые улицы, погибли сотни людей, тысячи остались без крова. В ответ ещё выше поднялась волна народного негодования. 19 сентября 1926 г. забастовали рабочие английских хлопчатобумажных фабрик в Шанхае и табачной фабрики в Ваньсяне; китайские листовки, распространяемые в этих городах, призывали: «Не покупайте ничего английского! Долой империалистических собак!». Профессора Пекинского университета в телеграмме на имя лейбориста Сесилия Мэйлона писали членам английского парламента, что они «протестуют против беспрецедентной жестокости ваньсянских убийств»²⁵. Резкие ноты протеста отправили и Пекин и Кантон. Но Англия Болдуина идёт напролом: вину, как всегда, англичане сваливают на китайцев, в официальной ноте действия Ян Сэня именуется «не более, не менее, как пиратством»²⁶, Англия шлёт в Китай новые морские силы и с их помощью «освобождает» задержанные суда. Опиоинистической кампании, развернувшейся в Англии в эти дни, могут дать представление одни лишь заголовки газет: «Британский героизм на р. Янцзы» («Дейли телеграф»), «Битва на Янцзы — это битва у Зеэбрюгге малого масштаба» («Дейли геральд»). Первый лорд адмиралтейства публично благодарит убийц, отмечая, что «традиционная доблесть служащих его величества была полностью поддержана всеми офицерами и матросами, участвовавшими в этой опасной экспедиции»²⁷. Всё более откровенной и открытой становится ставка англичан на сохранивших свои силы дунцзюнов Чжан Цзо-лина и Сунь Чуань-фана. Неофициальный английский советник Чжан Цзо-лина «однорукий Сэттон» призывает к «активной материальной и финансовой поддержке» своего патрона. Английские корабли открыто помогают судам Сунь Чуань-фана на р. Янцзы и препятствуют южанам в их операциях в бассейне этой реки.

Но и на этот раз открытая интервенция своими силами оказалась для Англии невозможной. Главной причиной этого была революционная борьба китайского народа за своё освобождение, нараставшая с каждым днём. Одной из причин провала интервенции было также всеобщее негодование в Китае и возмущение общественного мнения в Англии и во всём мире. Даже в Лиге наций на 15-м заседании 7-й сессии китайский делегат Чжоу Чжао-синь неожиданно для дипломатов огласил декларацию с осуждением преступлений англичан²⁸. Разумеется, вопрос был тотчас же снят, как «не включённый в повестку дня».

Ещё одной причиной срыва интервенции осенью 1926 г. явился отказ империалистов США и Японии от немедленных акций вместе с англичанами. Так, например, представитель министерства иностранных дел Японии заявил: «Японское правительство весьма сочувствует положению британцев в Китае, но не считает, что от Японии в настоящее время требуется какая-либо акция»²⁹. Японский империализм явно выжидал, сохраняя и укрепляя своё влияние в Маньчжурии и Северном Китае, надеясь использовать ослабление Англии в своих интересах.

США выступлениями Келлога и американского посла в Китае Макмуррея тоже отказались от немедленной интервенции. Однако военные суда обеих стран неотлучно находились на Янцзы, военные гарнизоны и морская пехота срочно пополнялись, что полностью разоблачало легенду о «миролюбии» США и Японии. Ясно, что США тоже выжидали, подтя-

²⁵ «Manchester Guardian» от 17 сентября 1926 года.

²⁶ «Times» от 23 сентября 1926 года.

²⁷ «Morning Post» от 15 сентября 1926 года. Позднее участники ваньсянской бойни были награждены английским королём орденами и медалями за «заслуги».

²⁸ «Société des Nations Journal officiel». N 44. Genève. 1926, p. 104—105.

²⁹ «Journal des débats» от 12 сентября 1926 года.

гивая силы и готовясь к расправе с Китаем. При этом в силу англо-американских империалистических противоречий США намеревались не помогать укреплению английского господства в долине Янцзы, а стремились обуздать революцию и одновременно расширить своё влияние в Китае в целом и особенно среди гоминдановской буржуазии.

Таким образом, общего выступления держав против Китая не произошло. «Попытка англичан,— говорил тов. Мануильский на VII пленуме ИККИ, — недавно, после Ваньсяньской бойни, вызвать совместную интервенцию всех трёх тихоокеанских держав потерпела крушение...»³⁰.

Конец 1926 г. и первые месяцы 1927 г. отличаются ещё большей напряжённостью в отношениях Англии и национального Китая. С одной стороны, ещё крепче становятся связи Англии с реакцией Севера: 25 ноября 1926 г. английские власти Тяньцзиньской концессии передали в руки палачей Чжан Цзо-лина 14 арестованных на территории концессии активных молодых гоминдановцев; в декабре Чжан Цзо-лин не без помощи англо-японских агентов объявил себя главнокомандующим всеми вооружёнными силами Северного Китая, возвестив телеграммой о намерении «покончить с красными». С другой стороны, неудачи северной реакционной клики милитаристов и успехи южан, невозможность сколотить блок держав и рост антианглийских настроений заставляли английский империализм маневрировать, искать себе союзников в лагере революции. Решения VII пленума исполкома Коминтерна отмечали, что «империализм старается побудить национальную буржуазию порвать с революционным блоком»³¹.

Подтверждают эту линию и неоднократные заявления руководящих деятелей Англии того времени — Макдональда, Биркенхэда — и деятельность нового английского посла в Китае Лэмпсона и, наконец, декабрьский меморандум. С 10 по 17 декабря 1926 г. новый посол Англии, консерватор Лэмпсон, впервые вёл переговоры с «красным» министром иностранных дел кантонского правительства Евгением Чэнем. Маршрут поездки Лэмпсона по Китаю лучше, чем что-либо, отражает двойную игру Лондона: Лэмпсон ехал от милитариста Сунь Чуань-фана к гоминдановцу-министру Евгению Чэню, а затем к сатрапу Маньчжурии Чжан Цзо-лину. Заключает же 1926 г. меморандум английского правительства, подписанный Чемберленом 16 декабря. Почти все английские историки, журналисты и экс-дипломаты, бравшиеся за перо, обычно преподносят этот чемберленовский меморандум как «триумф ясного, здравого смысла» (Тейкмэн), как «поворотный пункт», «новую эру» (Пратт, Уайт) и т. п., тогда как, по существу, это совершенно неверно. Авторы меморандума 16 декабря после вынужденного признания роста национальных сил и ослабления власти Пекина предлагают держаться «выжидательной политики» и «разрешить немедленное взимание дополнительных сборов, установленных в Вашингтоне, по всему Китаю без всяких условий...»³².

Отбрасывая словесную мишуру и вынужденные признания Лондона, мы видим две цели английского кабинета: 1) продемонстрировать якобы дружественное отношение к южным властям, которые явочным порядком ещё ранее ввели упоминаемые в меморандуме добавочные сборы, и тем самым открыть путь для соглашения с южной буржуазией; 2) введением добавочных пошлин по всем таможенным оказывать наибольшую помощь северной реакции в её борьбе с Югом (по подсчётам агентства Говэнь, это могло дать северянам 22 млн. таэлей).

Вокруг меморандума был поднят большой шум, однако китайская печать Юга резко выступала против фальшивых обещаний Англии и призывала не «поддаваться обману». Зато милитаристы быстро раскусили суть декларации, и вскоре Чжан Цзун-чан, Сунь Чуань-фан и даже Тап

³⁰ Стенографический отчёт VII пленума ИККИ. Т. I, стр. 432. М. 1927.

³¹ Там же. Т. II, стр. 438.

³² Полный текст в «Times» от 28 декабря 1926 года.

Цзи-яо из Юньнани потребовали права на взимание дополнительных пошлин. Не получив поддержки США и Японии, преследовавших свои самостоятельные захватнические цели, английский меморандум фактически остался простой декларацией.

Достоинством ответом китайского народа на меморандум явился захват английских концессий в Ханькоу 4—5 января и в Цзюцзяне 6 января 1927 года. Перед тысячными революционными толпами, занимавшими концессии, отступила английская морская пехота, и впервые в истории Китая надменный «Юнион Джэкс» (английский флаг) был снят с некоторых зданий в Ханькоу. Через полтора месяца, 19 и 20 февраля, после ряда проволок были подписаны известные соглашения Чень — О' Малли, узаконившие переход концессии в смешанное китайско-английское управление. Английский империализм вынужден был частично отступить перед народными массами Китая. Но, разумеется, удар в Ханькоу и Цзюцзяне произвёл колоссальное впечатление на правящие круги как в Англии и США, так и в Китае. То, что безоружные массы смогли вырвать из рук империализма две концессии, было слишком опасным примером с точки зрения господствующих классов. Правые буржуазные лидеры гоминдана первыми спешат на помощь империалистам: Сунь Цзы-вэнь в Цзюцзяне с баррикады уговаривает толпу разойтись, Хо Ин-цин в Фочжоу арестовывает 200 человек и 10 из них казнит за «антииностранные беспорядки»³³. Сунь Фо в интервью с представителями японского агентства «Того» откровенно говорит: «Националисты полностью поддерживают принцип возвращения концессий, но не собираются повторять опыт Ханькоу в отношении других английских концессий»³⁴.

В длинной декларации кантонского правительства от 24 января знаменательны были слова о том, что «с точки зрения национального правительства освобождение Китая из-под ярма империалистов не требует непременно вооружённого конфликта между китайским национализмом и иностранными державами. Правительство предпочитало бы, чтобы все вопросы были разрешены переговорами и соглашением». Хотя в этих действиях и выступлениях отдельные представители китайской буржуазии недвусмысленно демонстрировали свою готовность идти на компромисс с империалистами, однако победоносное шествие революционных войск, общие территориальные успехи удерживают ещё национальную буржуазию в целом в составе объединённого национального фронта. Вскоре южная армия разбила армию Сунь Чуань-фана и создала непосредственную угрозу Шанхаю — центру империалистического господства и иностранных вложений в Китае. Колонизаторы перепуганы. Особенно тревожатся англичане, занимающие в Шанхае одно из первых мест по капиталовложениям и интересам. Однако весьма обеспокоены и империалисты США и Японии, продолжающие подбрасывать военные силы в Шанхай. Английское правительство заседает по вопросу о Китае в течение января — февраля 1927 г. несколько раз. Принимаются экстраординарные меры: в январе в Китай отправлено 12 батальонов пехоты и 5 дополнительных крейсеров с Мальты, ежедневно отходят пароходы с войсками, публикуются сцены прощания в портсмутских бараках, — словом, создаётся предвоенная горячка. «Мы должны защитить наших товарищей в Шанхае, — взывает первый лорд адмиралтейства, — и сделать это можем лишь посылкой солдат, моряков и лётчиков... В вопросе обороны гораздо лучше послать слишком много, чем слишком мало. Мы не хотим повторения Хартума»³⁵. Такие же чрезвычайные меры осуществляют империалисты США. Под давлением общественного мнения китайские официальные круги вынуждены были ответить на эту агрессивную кампанию рядом протестов. Евгений Чэнь 17 января заявил:

³³ «Daily Telegraph» от 27 января 1927 года.

³⁴ «China Weekly Review» от 29 января 1927 г., стр. 246.

³⁵ «Times» от 4 февраля 1927 г., стр. 10.

«Судя по этим действиям, я думаю, что Британия предполагает создать обстановку, могущую повести к объявлению войны революционной армии, но тогда Британия должна принять на себя ответственность за любые несчастные инциденты в будущем...»³⁶.

Нота протеста была вручена также министром иностранных дел пекинского правительства Веллингтоном Ку.

С другой стороны, правительство Болдуина ведёт дипломатический зондаж в Токио и Вашингтоне. Сидехара в своём выступлении в нижней палате японского парламента словесно отверг британские предложения и... послал 24-ю флотилию истребителей в Китай, а Келлог демагогически заявил: «США не имеют в Китае концессий и никогда не проявляли империалистических тенденций в отношении его...»³⁷, «забыв» при этом упомянуть о 22 военных кораблях США, стоящих наготове на Янцзы, о дополнительных контингентах войск, посылаемых в Китай. Демагогия прикрывала подготовку к общей интервенции.

Компартии Китая и Англии резко выступают против английской интервенции. Развёртывается широкое, массовое движение в Англии. Более 70 крупных комитетов «Руки прочь от Китая!» ведут неустанную пропаганду по всей Англии, но тори, разгромив всеобщую стачку 1926 г., не считаются с общественным мнением, и февральская сессия парламента утверждает дополнительные ассигнования на «экспедицию» в Китай в сумме 950 тыс. фунтов стерлингов, отклонив резолюцию о немедленном отзывании английских войск из Китая. Тем самым английская буржуазия вкупе с США открыто готовила вооружённую интервенцию.

Нельзя, разумеется, всерьёз принимать в эти месяцы послания так называемой «доброй воли» английского правительства: ноты 27—28 января 1927 г. Чэнь Ю-женю и Веллингтону Ку о согласии на подчинение англичан китайскому суду и законодательству; заявления Чемберлена 31 января и его же письмо 8 февраля в Лигу наций. В последнем главное заключалось в одной фразе:

«Правительство его величества глубоко сожалеет, что в настоящий момент оно не усматривает какой-либо возможности обратиться к содействию Лиги наций для урегулирования затруднений в Китае...»³⁸. Ясно, что миротворческие шаги Англии были лишь маневром.

События между тем развёртывались с невиданной быстротой. 17 февраля 1927 г. кантонские войска заняли г. Ханьчжоу, а начавшееся 21 марта третье вооружённое восстание рабочих Шанхая вместе со всеобщей забастовкой трудящихся, невзирая на грозно дымящуюся армаду военных кораблей держав и их полки, привело к переходу Шанхая в руки революционного народа. Английские империалисты всем, чем могли, помогали контрреволюции: пропустили войска Чжан Цзун-чана через сеттлмент, выдвинули свои войска на 6 миль в глубь китайской территории, одобрили террор против лидера профсоюзов. Но ничто не помогло!

Захват восставшим китайским пролетариатом цитадели империализма в Китае — Шанхая — вызвал огромный энтузиазм в Китае и во всём мире. Он показал зрелость революционных и пролетарских сил Китая, их сплочённость и мощь; он же вызвал обострение классовых противоречий с международным империализмом, в особенности с английским, для которого Шанхай и долина р. Янцзы являлись центрами вложений и «сферой влияния». Не менее были напуганы империалисты США и прочих держав.

Вслед за Шанхаем северные войска У Пэй-фу сдают г. Нанкин, который 23—24 марта 1927 г. занимает 4-я дивизия 6-й армии южан. Империалисты Англии и США, смертельно напуганные падением двух крупнейших городов Китая, воспользовавшись мелкими инцидентами

³⁶ China in chaos», стр. 29. Шанхай. 1927.

³⁷ «The China Weekly Review» от 12 февраля 1927 г., стр. 273.

³⁸ «Times» от 12 февраля 1927 года.

возле некоторых европейских консульств во время уличных боёв с арьергардами северян, устраивают под флагом «защиты иностранцев» кровавую бойню — получасовой обстрел Нанкина орудиями с британского корабля «Эмеральд» и американских истребителей «Ноа» и «Престон» (Чемберлен признал в палате, что «Эмеральд» выпустил 76 снарядов). На каждого пострадавшего европейца приходилось не менее 100 пострадавших китайцев. «Это гнусное массовое убийство, — писал Марсель Кашен в «Юманите», — вызывает во всём мире всё больший крик негодования. Вот она, капиталистическая цивилизация!»³⁹.

Чудовищная кровавая расправа империалистов над мирным населением Нанкина не только вновь изобличила английских империалистов как палачей и насильников, но «она, — как указывала «Правда», — исчерпывающе вскрыла позицию Соединённых Штатов. Последние долго разгрызали роль либеральных «доброжелателей» китайской революции. Теперь, после того, как все увидели «англо-американский блок» в действии, легко понять, что Америка была лишь волком в овечьей шкуре, которая теперь ею сброшена. Страна Георга Вашингтона и «декларация независимости» выступает теперь перед Китаем в образе изверга Вильямса (командующего военно-морскими силами США в Китае. — Р. В.), который в потоках крови топит независимость китайского народа»⁴⁰.

Нанкинский обстрел, несомненно, был задуман и выполнен как удар по революции, как вооружённый ответ на занятие рабочими Шанхая. Он был ясным требованием к контрреволюционной буржуазии обуздать революционный лагерь. Откровенно об этом сказал журнал «La politique de Pékin» через три дня после нанкинской бойни, вину за которую империалисты, как всегда, поспешили переложить на так называемых «экстремистов».

«Нанкинская трагедия рискует повернуть против южной партии международное общественное мнение, — писал журнал, — и время не терпит: особенно надо, чтобы генерал Чан Кай-ши отделил себя от несчастных, пагубных действий экстремистов, если он не желает бесповоротно скомпрометировать движение, зачинщиком которого он является»⁴¹.

Контрреволюция давно это понимала. 29 марта Чан Кай-ши собственной персоной явился на борт американского флагмана «Питсбург» и совещался с адмиралом-палачом Вильямсом о мерах по поддержанию «порядка». 1 апреля 1927 г. комиссар Чан Кай-ши в Шанхае посетил консула Англии и, выразив сожаление по поводу событий в Нанкине, принял на себя полную ответственность за них. Наньчан — ставка Чан Кай-ши — становится центром контрреволюционной буржуазии, куда слетаются все завтрашние предатели революции.

Английский империализм ещё больше усиливает нажим и шантаж, принимая ряд чрезвычайных мер. 29 марта официально объявляется об эвакуации англичан из Ичана, Чанши, Чунцина; закрываются банки в Ханькоу; в Уху все иностранцы переселяются на понтоны; в Китай посылаются подкрепления в составе 3500 человек; в водах Китая к этому времени находится уже 170 военных кораблей, из них 76 британских; в портах держатся наготове 20 тыс. английских солдат.

«Правда», выражая чувства советского народа, писала в эти дни:

«Надо предупредить ультиматум и его последствия. Надо воспрепятствовать «сговору» держав. Надо остановить политику безумных авантюр, политику интервенции и провокации ужасной войны. Надо не допустить срыва мира между народами»⁴².

Чтобы выслужиться перед империалистами-хозяевами, диктатор Севера Чжан Цзо-лин 6 апреля 1927 г. с разрешения и по наущению дин-

³⁹ «Humanité» от 3 марта 1927 года.

⁴⁰ «Правда» от 27 марта 1927 года.

⁴¹ «La politique de Pékin» от 27 марта 1927 г., стр. 312.

⁴² «Правда» от 2 апреля 1927 года.

корпуса производит бандитский налёт на советское консульство в Пекине. Этот налёт должен был, по мысли его организатора, создать почву для единого фронта против СССР и для военного конфликта с ним, чтобы ослабить революционный лагерь в Китае и облегчить военную интервенцию империалистов против южан. Главным организатором провокаций против СССР и китайской революции был английский империализм. Товарищ Сталин указывал: «Первый открытый удар был нанесён консервативным правительством Англии в Пекине при нападении на советское полпредство»⁴³. Характерно, что в награду за бандитский налёт Гонконг-Шанхайский банк 10 апреля 1927 г. разрешил Чжан Цзо-лину использовать его ранее замороженные фонды в сумме 400 тыс. фунтов стерлингов, а 11 апреля сколоченный Англией блок главных империалистических держав (США, Англия, Япония, Франция, Италия) предъявил Китаю ультиматум, вручённый Евгению Чэню в Ханькоу и ген. Бай Чунси в Шанхае. Ультиматум требовал наказания командиров, якобы повинных в преступлении против иностранцев в Нанкине, извинения главнокомандующего, с обязательством не допускать антииностранных выступлений, и полной компенсации потерь:

«Если же власти националистов не продемонстрируют в удовлетворение заинтересованных государств своего намерения быстро согласиться с этими условиями, упомянутые правительства найдут возможность принудить их к этому такими мерами, какие они найдут необходимыми»⁴⁴.

Подкреплённый мощным военным кулаком, ультиматум грозил и требовал. Китайская буржуазия, напуганная размахом революционного движения рабочих и невиданным расширением аграрного крестьянского движения, подталкиваемая нажимом империалистов, открыто перешла в лагерь контрреволюции, и 12 апреля в Шанхае, Нанкине, Наньчане, а 14—15 апреля в Кантоне, Сватоу и других городах началась жестокая расправа с рабочим классом и с революционным крестьянством и их революционным авангардом — китайской коммунистической партией. Полились реки крови. В лагере Чан Кай-ши объединились помещики и компрадоры, купцы и генералы, милитаристы и фабриканты, связанные общей ненавистью к рабоче-крестьянскому движению. Шанхайские банки тотчас же после переворота предоставили Чан Кай-ши заём в 20 млн. долларов для подавления революции. По своей жестокости и беспощадности расправа китайской реакции с народом превзошла всё ранее известное в истории Китая. Были убиты десятки тысяч пролетариев и передовых людей революционного Китая.

В эти дни кровавой оргии контрреволюции до Китая донёсся голос Остина Чемберлена, выступившего 9 мая 1927 г. в палате общин. Он признал, что «нанкинские события ускорили давно надвигавшийся раскол в рядах националистов... Налицо откол коммунистического крыла от партии гоминдан... В связи с этим важным обстоятельством вопрос о наказании за нанкинские бесчинства принял совершенно иной характер. Подлинные преступники — коммунистические агитаторы — были наказаны самими китайскими националистами с жестокостью и эффективностью, на которую не способна была бы никакая иностранная держава»⁴⁵. Так злословил и клеветал О. Чемберлен.

Старый империалистический волк был в восхищении от китайских кавеньяков, от работы китайских палачей, превзошедших по зверству своих хозяев. Длинная речь Чемберлена характерна признаниями того, что: 1) политика Англии в связи с переворотом Чан Кай-ши изменяется: Англия будет теперь «выжидать», оставляя за собой «свободу дей-

⁴³ И. В. Сталин. Соч. Т. 9, стр. 325.

⁴⁴ «China Year Book», стр. 730. Тяньцзинь, 1928.

⁴⁵ «Times» от 10 мая 1927 года. Отчёт о заседаниях палаты общин.

ствей», 2) нанкинские события помогли контрреволюционному перевороту, явились толчком для него; 3) английский империализм помогал и будет чинить препятствий» контрреволюционному правительству, т. е. была признана прямая связь контрреволюции с империализмом.

В связи с этими событиями товарищ Сталин в тезисах для пропагандистов по вопросам китайской революции прямо указывал, что «мощный размах революции, с одной стороны, и натиск империалистов в Шанхае, с другой стороны, не могли не отбросить национальную китайскую буржуазию в лагерь контрреволюции, так же как занятие Шанхая национальными войсками и забастовки шанхайских рабочих не могли не объединить империалистов для удушения революции.

Оно так и случилось. Нанкинские расстрелы послужили в этом отношении сигналом к новой размежёвке борющихся сил в Китае. Стреляя в Нанкин и предъявляя ультиматум, империалисты хотели сказать, что они несут поддержки национальной буржуазии для совместной борьбы против китайской революции. Расстреливая же рабочие митинги и устраивая переворот, Чан Кай-ши, как бы в ответ на призыв империалистов, говорил, что он готов идти на сделку с империалистами вместе с национальной буржуазией против рабочих и крестьян Китая»⁴⁶. И далее:

«Переворот Чан Кай-ши означает, что революция вступила во второй этап своего развития, что начался поворот от революции общенационального объединённого фронта к революции многомиллионных масс рабочих и крестьян, к революции аграрной, которая усилит и расширит борьбу против империализма, против джентри и феодальных помещиков, против милитаристов и контрреволюционной группы Чан Кай-ши»⁴⁷.

На территории, контролируемой революционным уханьским правительством, продолжалась массовая революционная борьба против феодально-помещичьих элементов и контрреволюционера Чан Кай-ши, против милитаристов и империалистов. За этот период компартия Китая выросла в большую массовую партию с 50—60 тыс. членов, профсоюзы рабочих стали насчитывать около 3 млн. членов, десятки миллионов крестьян вошли в крестьянские союзы, и «аграрное движение крестьянства разрослось до грандиозных размеров, заняв центральное место в китайском революционном движении»⁴⁸.

Вторая половина 1927 г. заполнена всё усиливающейся борьбой революции с контрреволюцией. Рост крестьянского и рабочего движения в районах революционного Уханя, захват земель крестьянами, успехи народных армий в Хэнани (занятие Чжэнчжоу, Кайфына, Лояна) вызывают отход в лагерь контрреволюции мелкобуржуазных попутчиков революции. Одновременно, в связи с продвижением гоминдановских армий на север, империалисты во главе с англичанами собирают военный кулак у Тяньцзиня. Там сосредоточено более 7 тыс. английских и американских солдат, туда же прибывает английский командующий ген. Дункан со штабом. Империализм вновь угрожает китайской революции, продолжающей расти на территории Уханя. На причины отхода уханьского руководства гоминдана в лагерь контрреволюции указывал товарищ Сталин в статье «Заметки на современные темы»:

«Отход этот объясняется, во-первых, страхом мелкобуржуазной интеллигенции перед разрастающейся аграрной революцией и давлением феодалов на уханьское руководство, во-вторых, нажимом империалистов в районе Тяньцзиня, требующих от Гоминдана разрыва с коммунистами, как цену за пропуск на север»⁴⁹.

Первые изменения совершаются в разбухшей за счёт милитаристских

⁴⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 9, стр. 225.

⁴⁷ Там же, стр. 226.

⁴⁸ Там же, стр. 342.

⁴⁹ Там же, стр. 343.

частей уханьской армии, руководимой в большей части старыми генералами и контрреволюционерами. Этот процесс как в армии, так и в аппарате правительства был усугублён оппортунистическими ошибками тогдашнего чэньдусюистского руководства китайской компартии.

После майских измен генералов Ся Ду-иня, Хэ Цзяня и Сюй Кэ-сяна, июньских совещаний Фын Юй-сяна с лидерами обоих центров процесс измены руководящей верхушки уханьского гоминдана закончился 15 июля 1927 г. такой же расправой с народом, с коммунистами, как три месяца назад в Шанхае. Однако массы продолжают борьбу; особенно сильны крестьянские восстания на Юге и в центральных провинциях. С 1 августа до середины сентября 1927 г. происходит восстание оставшихся верными революции войск под руководством коммунистов Е. Тина и Хо Луна (Наньчанское восстание). Поражение этого восстания завершило второй этап китайской революции.

В среде контрреволюционных временщиков в Нанкине, Ханькоу, Кантоне происходит, между тем, непрерывная борьба за власть. Поход против Тан Шэн-чжи, временные успехи Сунь Чуань-фана и занятие им Пукоу в августе 1927 г., временный уход Чан Кай-ши с поста главкома, усиление южной гуансийской группировки — наиболее заметные проявления этой междоусобицы. Палачей объединяет одно — ненависть к революции.

Из существовавших во второй половине 1927 г. правительств в Пекине, Нанкине и Ухане (до июля) наименьшей любовью Англии, естественно, пользовался до июльского переворота уханьский центр. Весной и летом продолжается полная экономическая блокада верховьев Янцзы; в середине мая из Уханя был отозван британский представитель Ньютон. Что же касается Нанкина и Пекина, то тут английское правительство, выжидая конца борьбы Севера с Югом, ведёт попрежнему двойную игру: поддерживая северный блок и помогая ему, оно одновременно признаёт «заслуги» нанкинской клики и стремится упрочить свои позиции среди них, тем более что Кантон, одна из сфер наибольшей деловой активности англичан, входит в подчинение Нанкину. И пекинское и нанкинское правительства, в свою очередь, наперебой заискивают, пресмыкаются перед империалистами. В июне 1927 г. Нанкин в связи с продолжением северного похода специально объявляет: «Жизнь иностранцев и их имущество необходимо особенно внимательно охранять»⁵⁰. Нанкинская же комиссия по иностранным делам уведомила отдел пропаганды, что слова «Долой империализм!» не должны воспитывать ненависть к иностранцам.

Заявления подкрепляются переговорами У Чжао-шу с Лэмпсоном и согласованными действиями обеих сторон. Недаром в связи с образованием нового нанкинского правительства английская «Норс чайна дэйли ньюс» называла членов его «джентльменами в полном и лучшем смысле этого слова, на которых можно положиться, что они примут меры к восстановлению приличия и здравого смысла...»⁵¹.

Хотя в Китае не всё ещё шло гладко для Англии, хотя продолжались вспышки антианглийского бойкота среди масс (например, в июне 1927 г. в Нинбо) и произошёл англо-китайский конфликт в Шанхае во время боёв войск южан с армией Сунь Чуань-фана, но в целом общий язык между империалистами и китайской буржуазией был найден.

Что же касается пекинского правительства, то оно, попрежнему пользуясь полной поддержкой Англии, США и Японии, вновь и вновь заверяло своих покровителей в верности. Так, 18 июля 1927 г., вступая в должность генералиссимуса северных армий, Чжан Цзо-лин заявил на приёме дипло-

⁵⁰ Журнал «Восток» № 16 за 1927 год, стр. 153.

⁵¹ «Правда» от 22 сентября 1927 года.

экономического корпуса, что «права иностранцев будут соблюдаться в соответствии с договорами, в надежде на то, что иностранцы в свою очередь тоже помогут»⁵². Поэтому, когда национальные армии начали подходить к Тяньцзиню, туда прибыли англо-американские войска и корабли; тогда же Сунь Чуань-фан подошёл опять к Шанхаю, империалисты оказали ему активную помощь.

В своих действиях против китайской революции английский империализм пользовался теперь более энергичной поддержкой двух партнёров — Японии и США. Американский империализм своим активным участием в обстреле Нанкина, помощью Чан Кай-ши в перевороте, посылкой войск окончательно развеял туман лживо либеральных заявлений Келлогга, а японский империализм под флагом так называемой «позитивной» политики пришедшего к власти барона Танака теперь стал активно вмешиваться в борьбу Юга и Севера (высадка войск в Циндао, помощь Чжан Цзо-лину), переходя к дальнейшей реализации своих далеко идущих агрессивных планов.

Два события завершают революционный этап 1925—1927 годов. 11—14 декабря 1927 г. произошло восстание кантонского пролетариата, героическая попытка китайских рабочих организовать революционную власть на Юге. Однако в силу неравенства сил, вмешательства империалистов и некоторых ошибок самой коммуны восстание не имело успеха. Оно было арьергардным боем временно потерпевшей поражение революции рабочих и крестьян Китая. Мировой империализм открыто поддерживал контрреволюцию в подавлении восстания: английский корабль «Мореон» и американский «Сакраменто» высадили морскую пехоту, английские корабли эвакуировали богатей из Кантона и подвозили туда подкрепления. С благословения англичан и американцев озверевшая контрреволюция разгромила советское консульство в Кантоне и убила часть советских представителей. Налётам подверглись консульства СССР и в ряде других городов. А 15 декабря 1927 г. под прямым нажимом английских империалистов нанкинские и шанхайские власти разорвали отношения с Советским Союзом и потребовали выезда советских консульских представителей с территории гоминдановского правительства. Лавры Хикса и Болдуина явно оспаривались господами из Нанкина⁵³.

Круг предательства китайской контрреволюционной буржуазии на этом этапе был завершён.

Годы китайской революции, 1925 — 1927, завершившиеся её временным поражением и торжеством реакции, были периодом резкой активизации империалистической политики Англии в Китае и одновременно периодом кризиса этой политики и многих поражений её. Китайский народ, в глазах которого английский империализм наряду с японским стал самым ненавистным врагом, нанёс этому империализму немало серьёзных ударов бойкотом, стачками, захватом концессий в Ханькоу и Цзюцзяне. Кантонское гоминдановское правительство и его преемник — уханьское правительство (до 15 июля 1927 г.) — поддерживали массы в этой борьбе, выступая политическими противниками империалистического господства, тогда как продукт кровавого переворота 12 апреля — нанкинское правительство Чан Кай-ши, так же как и пекинское правительство Чжан Цзо-лина, несмотря на отдельные чисто формальные ноты протеста и небольшие стычки с Англией, фактически послушно выполняли требования империалистической Англии, возглавлявшей в эти годы ансамбль империалистических держав.

⁵² Журнал «Восток» № 16, стр. 153.

⁵³ Позднее, в 1929 г., в Шанхае прошёл скандальный процесс агента британской секретной службы, проворовавшегося бандита, некоего Пика-Кожевникова. На суде Пик открыто признал, что за участие в бандитском налёте на советское консульство он получил от британской разведки крупное вознаграждение. Тем самым была вскрыта прямая связь налётчиков в Лондоне и в Шанхае и общий источник их финансирования (Отчёты о судебном процессе см. «China Weekly Review» от 15 июня 1929 г., стр. 101.)

Английская политика в Китае, в свою очередь, стремилась к следующему:

1. Интервенциями, расстрелами, военными демонстрациями, угрозами и шантажом деморализовать массы, отколотить национальную буржуазию от революции.

2. Всемирной поддержкой внутренней реакции, феодально-компрдорских элементов, контрреволюционной национальной буржуазии помочь сломить и задушить революционное движение, потопить его в крови, чтобы сохранить свои привилегии.

3. Демонстративным «миролюбием», пустыми обещаниями, кажущейся уступчивостью (декабрьский меморандум, нота 31 января, комиссия по экстерриториальности), лавированием и компромиссами в угрожающие моменты (например, при захвате концессий) обмануть китайский народ и мировое общественное мнение, облегчить сговор с контрреволюционной буржуазией Китая.

4. Объединёнными акциями главных империалистических держав, сколачиванием блока Англии, Японии, США, Франции ускорить разгром революции, избежать изоляции и единоличной ответственности за злодеяния против китайского народа.

Весь ход рассмотренных нами событий целиком подтверждает блестящую характеристику английской буржуазии, данную товарищем Сталиным в «Заметках на современные темы». Товарищ Сталин писал:

«Английский капитализм всегда был, есть и будет наиболее злостным душителем народных революций. Начиная с великой французской буржуазной революции конца XVIII века и кончая происходящей ныне китайской революцией, английская буржуазия всегда стояла и продолжает стоять в первых рядах громителей освободительного движения человечества»⁵⁴.

В 1927 г. китайская революция была вынуждена временно отступить. Английская буржуазия, приложившая столько усилий к разгрому революции, могла вместе с палачами из Нанкина, Шанхая, Кантона и Пекина праздновать временную победу. А полуфеодальный Китай, раздробленный, разделённый на ряд враждующих милитаристских клик, продолжал оставаться полукOLONИЕЙ мирового империализма. Однако революционные битвы 1925—1927 гг. не прошли бесследно.

Борьба миллионов китайских рабочих и крестьян против пережитков феодализма и против империализма в революционные годы, революционная активность масс на огромной территории Юга и Центра, героическая борьба китайского рабочего класса во главе с его авангардом — китайской коммунистической партией — в союзе с крестьянством и городской беднотой внесли глубочайшие изменения в жизнь и сознание китайских трудящихся. Поражение революции было временным. Уже через год начался новый революционный подъём, и вскоре на вершинах Цзинганшаня поднялся флаг первого района народной власти Китая. Китайские коммунисты — лучшие люди китайского народа, руководимые Мао Цзэ-дуном и Чжу Дэ, повели массы на вооружённую борьбу против контрреволюционной буржуазно-помещичьей диктатуры гоминдана, поддерживаемой империалистами.

Английский империализм вместе с американским империализмом активно помогал нанкинским и гуансийским гоминдановским правительствам в их борьбе против китайских Советов в 1929—1936 годах. При прямом попустительстве. Англии и США, японский империализм захватил в 1931 г. Маньчжурию, а затем Северный Китай.

Силами японских фашистов английские империалисты вкупе с американскими думали начать поход на СССР и покончить с революционной

⁵⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 9, стр. 324.

борьбой в Китае. Поэтому японское нападение на Китай в 1937 г. не встретило фактического противодействия со стороны чемберленовской Англии. Проводя вместе с США политику «дальневосточного Мюнхена», Англия подкармливала японского агрессора за счёт китайского народа в надежде на осуществление своих антисоветских замыслов и планов разгрома растущего революционного движения в Китае (соглашение Арита — Брейдли в 1939 г. — кульминационный пункт этой политики).

Политика американской буржуазии в эти годы, несмотря на наличие в ней серьёзных противоречий с японской и английской буржуазией, несмотря на ряд формальных выступлений против захватов Японии в Китае, по сути дела, сводилась к той же, что и у англичан, антисоветской политике, к политике экономической помощи японскому империализму металлами, «серебряной политике» и др., к поддержке всех мероприятий реакции против демократического движения в Китае и в то же время в стремлении к широкой американской экспансии в Китае «без партнёров», с монопольными захватами рынков Востока.

Вскормленные долларами и фунтами, фашистская Германия и Япония воспользовались «ДВ Мюнхеном» для дальнейшей агрессии и попыток выполнения бредовых планов завоевания мирового господства, что и привязало вторую мировую войну.

Но мировой демократический лагерь во главе с могучим Советским Союзом сорвал все планы империалистов. Советская армия разгромила армии фашистской Германии и империалистической Японии и освободила народы Европы и Азии от угрозы порабощения и гибели.

Выросшая в тяжёлых боях за советские районы в 1929—1936 гг. и в антияпонской войне 1937—1945 гг., китайская демократия под руководством китайской компартии в навязанной ей гоминдановским реакционным лагерем гражданской войне развернула победоносную борьбу за окончательное свержение кровавой диктатуры Чан Кай-ши и «четырёх великостей», за освобождение Китая от империалистического господства, в первую очередь от господства американского империализма, борьбу за создание народно-демократической власти трудящихся под руководством рабочего класса Китая.

На наших глазах сбываются пророческие слова Ленина, указывавшего ещё в 1923 г. на Китай и другие страны Востока, которые «втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма»⁵⁴, так что, подчёркивал Ленин, «не может быть никаких сомнений в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы»⁵⁵. Блестящие успехи китайского народа в его освободительной борьбе против сил империализма и китайской реакции полностью подтвердили гениальный прогноз, данный И. В. Сталиным в 1927 г. — 22 года тому назад! — относительно перспектив китайской революции. В своём докладе XV съезду ВКП(б) И. В. Сталин указывал на то, что «революционное пробуждение колониальных и зависимых стран предвещает конец мирового империализма. Тот факт, что китайская революция не привела ещё к прямой победе над империализмом, этот факт не может иметь решающего значения в смысле перспектив революции. Великие народные революции никогда вообще не побеждают до конца в первом туре своих выступлений. Они растут и укрепляются в порядке приливов и отливов... Так будет в Китае»⁵⁷. Это гениальное пророчество, являющееся образцом исторического предвидения марксизма-ленинизма, подтвердилось всем ходом истории героической борьбы китайского народа под руководством коммунистической партии Китая против империалистических поработителей за свободный, независимый и подлинно демократический Китай.

⁵⁴ Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 415.

⁵⁵ Там же.

⁵⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 10, стр. 283.